

Проблема автора «Уединенного» и «Опавших листьев» в русскоязычном розановедении

Илья Д. Дейкун

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, iliariy@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена обзору, систематизации и научной критике публикаций по проблеме автора в «Уединенном» и двух коробах «Опавших листьев» В.В. Розанова. Показывается, что рассматриваемая проблема двояка и состоит в изучении биографического автора, его писательского имиджа, его образа в культуре, и в изучении абстрактного автора и героя в самой трилогии. В аспекте изучения биографического автора в русскоязычном розановедении хронологически различаются более старая «культурологическая» линия ассоциации авторского поведения, в частности антиномичности его стиля, карнавального разнообразия авторских масок в тексте, с юриводностью, и новая «историко-философская» линия, в которой поведение В.В. Розанова вписано в культурно-философский контекст символистского периода в литературе и русского религиозно-философского ренессанса. В последнем случае ученые обозначают, что стиль трилогии связан с философской программой автора, подчинен цели нахождения им религиозного стиля письма и размышления. В этих исследованиях эстетическая структура трилогии не рассматривается. Напротив, она чрезвычайно важна при решении проблемы абстрактного автора и героя в трилогии. Все литературоведы, занимающиеся проблемой автора и героя в трилогии, признают ее художественным произведением и сталкиваются с тем, что биографический автор идентичен герою, но это противоречит природе эстетического, которая требует внаходимости автора и приостановки референции.

Ключевые слова: В.В. Розанов, биографический автор, абстрактный автор, лирический герой, розановедение, проблема художественности

Для цитирования: Дейкун И.Д. Проблема автора «Уединенного» и «Опавших листьев» в русскоязычном розановедении // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 11. Ч. 2. С. 280–287. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-280-287

The problem of the author in “Solitaria” and “Fallen leaves” in Russian-language Rozanov studies

Iliia D. Deikun

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, iliariy@mail.ru*

Abstract. This article deals with the review, systematization and scientific criticism of publications on the author’s issue in the “Solitary” and two boxes of “Fallen Leaves” by V.V. Rozanov. It shows that the issue in question is twofold and consists in studying a biographical author in the Russian-language Rozanov studies, the older “culturology” line of association for authorial behavior, in particular: an antinomy in his style, the carnival variety of author’s masks in the text, with the Russian cultural concept of “iurodstvo” (Foolishness for Christ), and the new “historical-philosophical” line, in which V.V. Rozanov’s behaviour is placed within the cultural-philosophical context of the symbolist period in literature and the Russian religious-philosophical renaissance. In the latter case, scientists indicate that the style of the trilogy incarnates the philosophical program of the author and is subordinated to the purpose of finding a religious style for writing and reflection. In those studies, the aesthetic structure of the trilogy is not considered. However, it is extremely important in addressing the issue of the abstract author and hero in the trilogy. All literary critics who deal with the issue of the author and the hero in the trilogy recognize it as a work of fiction and face the fact that the biographical author is identical to the hero, but it contradicts the nature of the aesthetic, which requires the author’s absence and suspension of reference.

Keywords: V.V. Rozanov, Concrete Author, Abstract Author, Lyrical Hero, Rozanov Studies, fictionality issue in literature

For citation: Deikun, I.D. (2026), “The problem ‘Solitaria’ and ‘Fallen leaves’ in Russian-language Rozanov studies”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 11, part 2, pp. 280–287, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-11-280-287

Проблема авторского субъекта в трилогии В.В. Розанова чрезвычайно важна в свете до сих пор не получившей однозначного решения проблемы художественности «Уединенного» и «Опавших листьев». Исследование автора предполагает изучение как биографического субъекта, В.В. Розанова, в свете авторских функций, в частности интенции, определяющей восприятие текста, так и субъектной структуры произведения, субъекта дискурса, героя, абстрактного автора.

В русскоязычном розановедении существует множество исследований, посвященных обоим темам, однако различие фундаментальных предпосылок об эстетическом статусе, дисциплинарных контекстов и методологий привело к формированию двух параллельных, не пересекающихся традиции. Данная статья посвящена систематизации этих исследований, выделению линий преемственности, направлений, взаимоосвещению историко-литературных, историко-философских и литературоведческих исследований авторства в «Уединенном» и «Опавших листьях».

Так как проблема биографического автора более широкая, то мы начнем с нее, а затем перейдем к субъектной структуре трилогии.

Исследования биографического автора в русскоязычном литературоведении формируют два консенсуса культурологический и историко-философский. Культурологический заключается в идентификации авторского поведения В.В. Розанова как юродства. Эта линия уходит корнями в первую рецепцию розановской публицистики. Так, еще в 1895 г. ее в пример «литературного юродства и кликушества»¹ приводит В.П. Буренин. В биографической работе 1956 г. Ю.П. Иваск указывает, что Розанов и близкие ему герои Достоевского «генеалогически восходят к старомосковским юродивым»². В.В. Виноградов в работе «Проблема образа автора» (1971) говорит, что «литературное «юродство»³ входит в стилистический образ автора у Розанова. В статье 2000 г. В.А. Фатеев рассматривает эту генеалогию на более широком материале и говорит, что «в юродстве Розанова – ключ к объяснению его необычного поведения в литературе и в жизни» [Фатеев 2000, с. 8]. Однако Иваск и Фатеев не различают уровни генеалогической связи феноменов, юродство у них обнимает и персонажей, и жизненную стратегию автора, и социальный институт. В этом смысле более ранняя русскоязычная работа Р. Грюбеля (1996) упорядочивает и систематизирует эту линию. Исследователь разграничивает четыре разноуровневых образа автора: стилистический образ автора, образ автора как героя наделенного автобиографическими чертами реального автора, самообраз (Eigenbild), тот образ, который намеренно формирует биографический автор своим поведением, и, наконец, другообраз (Fremdbild), который формируется в культурной рецепции всех

¹ *Буренин В.П.* Критические очерки: Литературное юродство и кликушество // В.В. Розанов: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. С. 303.

² *Иваск Ю.* О Розанове / предисл. и публ. А.Н. Богословского // Волга. 1991. № 5. С. 123.

³ *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971. С. 203.

остальных образов автора. По Р. Грюбелью, проблема заключается в том, что В.В. Розанов как писатель перенимает поведенческую модель «секуляризованного, вошедшего в литературу юродивого» [Грюбель 1996, с. 377], делая ее самообразом, но эта модель в русской культуре архаична, долитературна, а ее генеалогическая линия перепрыгивает слишком много звеньев, с рубежа XIX–XX вв. сразу в XVII в.: к Аввакуму. Отсюда и трудность формирования его культурного образа в рецепции, и следовательно, определения интенции, стоящей за текстами.

Как объяснительная модель, идентификация розановского поведения как юродства эффективно указывает на источник проблемы и даже объясняет, почему в публицистике Розанова возможна «алогичность», а противоречие самому себе возводится в правило [Фатеев 2000, с. 12], но никак не объясняет частных особенностей «Уединенного» и «Опавших листьев», а именно эффект, что «сам писатель возникает в процессе письма» [Грюбель 1996, с. 383]. А между тем это центральный аспект проблемы автора трилогии.

Теоретическое исследование парадокса совмещения биографического и беллетристического текстов в трилогии в розановедении было осуществлено в двух направлениях: поиска ближайшего литературно-философского контекста для авторской модели и литературоведческого анализа субъектной структуры трилогии. Так как первая линия является продолжением исследований культурного образа автора, то мы начнем с нее.

Опубликованная в 1997 г. работа донецкой исследовательницы Медведевой-Гнатко связывает процесс «имманентизации творчества», «утраты позиции вненаходимости» автора трилогии с «космически-антропологическим поворотом» в русской философии, который подразумевал онтологическое переосмысление творческого «я» и требовал «десакрализации» автора [Медведева-Гнатко 1997, с. 158]. Однако несмотря на убедительность гипотезы, исследование Медведевой-Гнатко посвящено сугубо паратексту и системе рефлексивных элементов символистской и постсимволистской прозы вообще, а не трилогии в частности.

В 2009 г. В.А. Келдыш проводит специализированное исследование, попытавшись сформулировать философию жизни В.В. Розанова и исходя из нее прийти к своеобразию стиля «Уединенного» и «Опавших листьев». Противоречивость и антиномичность розановского письма вытекает, по Келдышу, из стремления к «всеобъемлющему знанию о мире», что в контексте 1900-х гг. означает отказ от утилитаризма и направленчества 60–70-х годов. Тяга к описанию мелочей жизни, мелких непоэтическим подробностей в трилогии объясняется им исходя из понимания быта как сосре-

доточия бытия: через обращение к конкретно-чувственной сфере жизни, как реконструирует Келдыш, совершается синтез метафизического и реального [Келдыш 2009, с. 75]. Такого рода синтез совершается В.В. Розановым в разрабатываемой им метафизике пола, он контекстуально связан с учением о «божественном начале человека, погруженного в материю» [Келдыш 2009, с. 74], с идеей теургии как творческого со-делания человека с Богом.

Вершинной работой этого исследовательского направления является монография Я.В. Сарычева, вышедшая вторым изданием в 2017 г., где он показывает, что возникновение этого стиля связано с кризисом «нового христианства», и с поиском Розановым нового религиозного тона. Исследователь находит «эстетическую программу Уединенного» в реплике самого автора, возмущенного пустотой теологических дискуссий в кружке Мережковских: «Хотя бы предметом страницы или слова были самые обыкновенные житейские вещи... Даже нечто личное и совершенно крошечное может облечься в типично религиозное слово» [Сарычев 2017, с. 83]. Ученый дает формулу: «Уединенное» и «Опавшие листья» возникают как зримый контрпроект относительно программы религиозной общественности Мережковских и сопряженных с ее «реализацией» общественно-политических и творческих жестов; иначе говоря, розановская «другая литература» 1910-х гг. являет собой особый модус бытия «нового религиозного сознания...» [Сарычев 2017, с. 84]. В этой литературе предмет письма отступает на второй план, а на первый выдвигается стиль, и через интонацию проявляется истинная религиозность.

Таким образом, видим, что данная исследовательская линия предметно и хронологически следует за исследованиями «юродства» и представляет, на наш взгляд, безусловное уточнение первой гипотезы. Исследователи сосредоточились не на дистантных культурных аналогиях, а на ближайшем философско-литературном контексте розановской трилогии, и, обратившись к мировоззрению В.В. Розанова как биографического автора, смогли найти прямое отношение его философской программы к его беллетристическим работам, правда, в этом случае, исследователями вынесено за скобки ее художественное качество. Ни В.А. Келдыш, ни Я.В. Сарычев в приведенных исследованиях не рассматривают «Уединенное» или «Опавшие листья» как художественную прозу, в чем проявляется дисциплинарная ограниченность этого подхода.

Решению эстетического парадокса кажущейся идентичности биографического автора и героя в «Уединенном» и «Опавших листьях» посвящено сугубо литературоведческое направление розановедческих исследований. В.Г. Полюшина в кандидатской диссертации 2005 г. предпринимает попытку решить эту проблему

через теорию лирического субъекта. Исследовательница прямо утверждает, что трилогия обладает эстетическим свойством по двум параметрам, по «образности художественной прозы» и по «лирическому субъективизму поэзии» [Полюшина 2005, с. 8]. Именно лиричность прозы В.В. Розанова позволяет осуществиться «включению субъекта речи в предмет речи» [Полюшина 2005, с. 14] при том, что трилогия представляет собой «авторское монологическое слово, выраженное в форме прямого авторского Я» [Полюшина 2005, с. 7]. Это авторское «я» может принадлежать только лирическому субъекту, точнее, пользуясь литературоведческой терминологией, «лирическому герою» как «субъектной форме», «ставшей собственной темой»⁴. В самом деле, родовой инвариантной чертой лирики, как отмечает В.Я. Малкина, является нечеткость «границ между автором, героем и читателем» [Малкина 2023, с. 22]. Но тогда «Уединенное» и «Опавшие листья» как лирическое произведение должно разделять и вторую родовую черту лирики, а именно «перформативность». Некоторые исследователи, в частности В.И. Тюпа, усматривают в трилогии доминирование перформатива особого рода: перформатива самоопределения, медитативного дискурса, но этот перформатив свойственен как лирической, так и философской дискурсии [Тюпа 2013, с. 38], и тогда вопрос определения эстетического статуса трилогии становится вопросом жанра.

С.Р. Федякин в монографии 2014 г. решает проблему связи внутритекстового субъекта дискурса и биографического автора через введение (вслед за Иваском, Фатеевым и Николюкиным) категории «черновиковости»: «в черновике – через особенности “черновой речи” – автор предстает перед читателем как создатель, а не как создаваемый образ» [Федякин 2014, с. 63]. Такое нарушение эстетического принципа внеходимости автора возможно благодаря тому, что в черниковой среде вербализуется «овнешненная внутренняя речь». Ученый пишет: черновик – это «внутренняя речь, но выраженная письменно. Она более “развернута”, нежели собственная внутренняя речь» [Федякин 2014, с. 51]. Но как мы видим в исследовании, единственные признаки, делающие речь «Уединенного» овнешненной внутренней, – это редкие сокращения слов, общая автокоммуникативность текста, черниковость, при этом данные три признака не показывают, почему эта речь художественная и почему герой не может быть просто автобиографическим, то есть иметь референцию к В.В. Розанову.

⁴ Бройтман С.Н. Лирический субъект // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / под ред. Н.Д. Тamarченко. М.: Изд-во Кулагиной: Intrada, 2008. С. 114.

Как мы видим, литературоведческие исследования субъектной структуры розановской трилогии менее успешны, чем историко-философские и историко-литературные. В то время как, изучая проблемы, связанные с биографическим автором, историки литературы и философии демонстрируют прогрессивное уточнение контекста модели авторского поведения, литературоведческие исследования, взяв за аксиому художественность «Уединенного» и «Опавших листьев», сталкиваются с апорией. Эстетическая категория автора требует его вменяемости, но всеми исследователями уникальность розановской трилогии видится именно в слиянии автора и героя, в связи розановских художественного и биографического текстов. Продуктивное рассмотрение субъекта трилогии как квази-лирического героя упирается в проблему определения жанра трилогии, например, как «лирической прозы» или «художественного черновика».

Литература

- Грюбель 1996 – *Грюбель Р.* Автор как против-герой и против-образ: Метонимия письмо и видение конца искусства у Василия Розанова // Автор и текст: сб. статей / под ред. В.М. Марковича, В. Шмида. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. С. 354–386.
- Келдыш 2009 – *Келдыш В.А.* Розанов и русская литература Серебряного века // Наследие В.В. Розанова и современность: Материалы Международной научной конференции / сост. А.Н. Николюкин. М.: Политическая энциклопедия, 2009. С. 73–80.
- Малкина 2023 – *Малкина В.Я.* Типология лирических субъектов // Новый филологический вестник. 2023. № 4 (67). С. 20–31.
- Медведева-Гнатко 1997 – *Медведева-Гнатко В.В.* Автор и читатель в ситуации рефлексии // Литературное произведение: слово и бытие: К 60-летию М.М. Гиршмана: Сб. науч. трудов / отв. ред. В.В. Федоров. Донецк: Лаб. компьютерных технологий ДонГУ, 1997. С. 157–173.
- Полюшина 2005 – *Полюшина В.Г.* Художественно-философская трилогия В.В. Розанова: «Уединенное», «Опавшие листья»: образ автора и жанр: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005. 24 с.
- Сарычев 2017 – *Сарычев Я.В.* Творчество В.В. Розанова 1900–1910-х гг.: феноменология религиозных и художественно-эстетических исканий. М.: Флинта, 2017. 164 с.
- Тюпа 2013 – *Тюпа В.И.* Дискурс / Жанр. М.: Intrada, 2013. 211 с.
- Фатеев 2000 – *Фатеев В.А.* «...Я шалунок у Бога» // Литературоведческий журнал. 2000. № 13/14. Ч. 1. С. 5–26.
- Федякин 2014 – *Федякин С.Р.* Художественная проза Василия Розанова: Жанровые особенности. М.: Литературный ин-т им. А.М. Горького, 2014. 103 с.

References

- Fateev, V.A. (2000), "...I am naughty boy with God", *Literaturovedcheskii zhurnal*, no. 13/14, part 1, pp. 5–26.
- Fedyakin, S.R. (2014), *Khudozhestvennaya proza Vasiliya Rozanova: Zhanrovye osobennosti* [Fiction by Vasily Rozanov. Genre features], Literaturnyi institut im. A.M. Gor'kogo, Moscow, Russia.
- Gryubel', R. (1996), "The author as a counter-hero and counter-image. Metonymy of writing and visions of the end of art Vasily Rozanov", in Markovich, V.M. and Shmid, V., eds., *Avtor i tekst: sbornik statei* [Author and text. Collected articles], Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, Saint Petersburg, Russia, pp. 354–386.
- Keldysh, V.A. (2009), "Roanov and Russian literature of the Silver Age", in Nikolyukin, A.N., comp., *Nasledie V.V. Rozanova i sovremennost': Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The legacy of V.V. Roanov and modern times. Proceedings of the International Scientific Conference], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia, pp. 73–80.
- Malkina, V.Ya. (2023), "Typology of lyrical subjects", *Novyi filologicheskii vestnik*, vol. 67, no. 4, pp. 20–31.
- Medvedeva-Gnatko, V.V. (1997), "The author and the reader in a situation of reflection", in Fedorov, V.V., ed., *Literaturnoe proizvedenie: slovo i bytie: K 60-letiyu M.M. Girshmana: Sbornik nauchnykh trudov* [Literary work. Word and being. Collected scientific works on the 60th anniversary of M.M. Girshman], Laboratoriya komp'yuternykh tekhnologii DonGU, Donetsk, Ukraine, pp. 157–173.
- Polyushina, V.G. (2005), *Khudozhestvenno-filosofskaya trilogiya V.V. Rozanova: "Uedinennoe", "Opavshie list'ya": obraz avtora i zhanr* [Artistic and philosophical trilogy by V.V. Roanov: "Solitary", "Fallen Leaves": image of the author and genre], Abstract of Ph.D. dissertation (Philolog), Volgograd, Russia.
- Sarychev, Ya.V. (2017), *Tvorchestvo V.V. Rozanova 1900–1910-kh gg.: fenomenologiya religioznykh i khudozhestvenno-esteticheskikh iskanii* [The works of V.V. Roanov in the 1900–1910s. Phenomenology of religious and artistic-aesthetic searches], Flinta, Moscow, Russia.
- Тура, В.И. (2013), *Diskurs / Zhanr* [Discourse / Genre], Intrada, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Илья Д. Дейкун, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; iliariy@mail.ru

Information about the author

Iliia D. Deikun, applicant, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; iliariy@mail.ru